

В конце концов у всех пропал аппетит, и вскоре этот день рождения закончился на минорной ноте.

Тётя Чжан провожала Линь Цянь обратно. Отойдя довольно далеко от дома Лю Фан, она тихо произнесла:

— Я же говорила, эти двое совершенно не подходят друг другу. Даже если Сяо Линь без памяти влюблен в эту девчонку, ничего у них не выйдет, помяни моё слово.

Линь Цянь невольно усмехнулся. Тётя Чжан спросила, чему он смеется, и тогда он ответил:

— Её могло стошнить просто от недомогания, с чего вы решили, будто она беременна? По мне так эта мисс Ляо тяжело больна и нуждается в лечении.

— Твои бы слова да мимо ушей, что за глупости ты мелешь?

Линь Цянь пожал плечами:

— Мне кажется, этой мисс Ляо лучше бы поскорее уехать.

Тётя Чжан сочла его слова мальчишеской болтовней и пропустила мимо ушей. Когда они уже собирались расстаться, Линь Цянь схватил тётю Чжан за руку и со всей серьезностью, истово заклиная, принялся убеждать:

— Тётя Чжан, перебирайтесь-ка жить на гору к нам с дядей Чэнем, хватит вам терпеть обиды внизу.

Тётя Чжан тут же отказалась:

— Ладно бы ещё только к тебе, но при чем тут дядя Чэнь? Люди же станут языки чесать. К тому же там и жить негде, брось ты свои глупости.

— Раз уж вы наотрез отказываетесь, тогда пообещайте мне кое-что.

Видя, что он редкостно серьёзен, тётя Чжан поневоле тоже прониклась моментом и несколько раз кивнула.

— Вы должны пообещать мне держаться от этого Сяо Линя и его девицы как можно дальше. Чем дальше, тем лучше. Что бы они вам ни говорили, о чем бы ни просили — ни за что не соглашайтесь, просто ведите себя так, будто они чужие люди. Лучше вообще перестаньте с ними знаться.

Выслушав его, тётя Чжан только рассмеялась. Она решила, что Линь Цянь просто переживает, как бы её не обидели. Тронутая до глубины души, она вместе с тем нашла его слова крайне наивными:

— Ишь ты, ребенок ещё совсем, а забот полон рот. Это взрослые дела, не лезь ты в них. Ступай быстрее на гору, а то стемнеет — и станет небезопасно.

Чем больше Линь Цянь думал об этом, тем тревожнее у него на душе скребли кошки. Но они уже отошли довольно далеко, да и тётя Чжан проявила упрямство, так что в конце концов он решил выкроить время и силой затащить её наверх.

Вечером Линь Цянь лежал на соломенной циновке в кладовой и, ворочаясь с боку на бок, никак не мог уснуть. Тяжелые мысли давили на него мертвым грузом, сна ни в одном глазу, и он, в конце концов сев, распахнул створку маленького окошка в кладовой. Луна над горами казалась невероятно прекрасной. Лунный свет струился внутри комнаты, и Линь Цянь воочию ощутил, что значит выражение чистый, как вода, лунный свет. Прохладный, но при этом странно манящий.

Перед его внутренним взором сначала встало сегодняшнее лицо Ляо Вэньвэнь: мертвенно-бледное, лишенное всяких признаков крови, с синевато-черными тенями под глазами и красными прожилками на белках. Образ тут же сменился стойкой обезумевших кур, виденных им пару дней назад на птичьем рынке, и в памяти сами собой всплыли картины разлагающейся плоти и зловонный запах.

Видимо, его охватило слишком сильное беспокойство: под воздействием ментальной энергии ци во всем теле пришла в движение, и мелкие вещицы в комнате начали стучать друг о друга. Боясь разбудить спящего в соседней комнате Чэнь Ци, он толкнул дверь и вышел в ночной лес. Не успел он сделать и пары шагов, как с легкостью взбежал по стволу дерева, выбрал толстую, крепкую ветку и уселся на нее, скрестив ноги.

Ночной лес казался тихим и безмятежным, но только Линь Цянь знал, насколько оживленным он становится с наступлением темноты. Если выражаться человеческим языком, то эти едва слышные шорохи были не чем иным, как тихим шепотом лесных обитателей друг с другом. И хотя Линь Цянь не мог разобрать их слов, он отчётливо чувствовал тревогу, исходившую от всех этих живых существ.

Да что они — он сам был охвачен тревожной мутой.

При этой мысли он просто закрыл глаза и, поддавшись сиянию яркой луны, принялся втягивать и выпускать ци, струящуюся среди деревьев. Привлеченная силой его мысли, блуждающая повсюду квинтэссенция ци мгновенно обрела цель и с бешеной скоростью ринулась сюда, словно завидев непревзойденную красавицу. Она с размаху врезалась в расставленные Линь Цянем сети и очень скоро ассимилировалась, превратившись в его собственную ци. Небольшая ее часть слилась с ним, вымывая из тела примеси и очищая плоть и кровь.

Проведя ци по большому и малому небесным кругам внутри тела, Линь Цянь внезапно остановился. Связь между силой мысли и ци была подобна отношениям полководца и тысяч его солдат: чем сильнее полководец, тем большим количеством воинов он способен

командовать. Если же военачальнику не хватает мощи, то сколько бы солдат ни было в его распоряжении, в итоге удастся раскрыть лишь шесть-семь десятков процентов их потенциала.

Подумав об этом, Линь Цянь сжал зубы и, следуя полученным когда-то от Фэн Цзыси наставлениям, силой мысли принялся отчаянно управлять окружающей ци, стимулируя рост соседних деревьев. Будучи всего лишь человеком со второй ступенью культивации, он безумно возжелал заставить разрастись целый участок густого леса — это казалось совершенно невыполнимой задачей. В итоге, истратив всю свою ментальную энергию до последней капли и потеряв способность даже сидеть от дикой усталости, он рухнул с ветки прямо на землю. При этом деревья вокруг заметно не выросли, а вот он сам оказался выжат досуха. Сила мысли в его голове почти полностью исчерпалась, и прошло немало времени, прежде чем он едва ощутимо почувствовал, как слабые струйки ци принялись ублажать его занывшие мышцы, даруя прохладу и облегчение.

Пожалуй, это и есть правильный способ культивации... — слабый голос Линь Цяня растворился в ночной тишине, и он, пластом распластавшись на земле, забылся тяжелым сном, даже не заметив клубящегося вокруг него черного тумана.

Черный туман сгустился, рассеялся, а затем медленно уплотнился рядом с Линь Цянем, в конце концов принимая человеческий облик.

Фэн Цзыси присел на корточки возле Линь Цяня, подперев подбородок рукой, и о чем-то задумался. Спустя долгое время он взмахнул черными одеждами, и черная грязь вместе со слабой дурно пахнущей гарью мгновенно исчезли с тела Линь Цяня, возвращая ему свежесть и чистоту.

Он огляделся по сторонам: бесконечная ночь, пугающая глушь леса, но для него все было видно так же ясно, как при дневном свете, во всех мельчайших подробностях. Впрочем, разница, пожалуй, все же имелась...

Фэн Цзыси сжал ладонь в кулак, и в тот же миг листва закружилась в неистовом вихре. Хлынувший со всех сторон поток квинтэссенции ци, подобный исполинскому шелковому полотну, безумным вихрем набросился на Линь Цяня, спеленав его наподобие кокона, и постепенно поднял в воздух.

На следующий день Линь Цяня, раскинувшегося на земле в виде буквы «зюй», разбудил стук Чэнь Ци.

Он сонно потёр глаза и поприветствовал дядю Чэня:

— Дядя Чэнь, доброе... ау-у-у — Речь его была сбивчивой, он явно еще не до конца проснулся.

Линь Цянь спал в столь непринужденной позе, что за ночь ночной возни вся одежда на его животе задралась вверх, обнажая большой участок кожи. Для парня его возраста кожа была на редкость белой. Только вот пупок оказался открыт, и сколько же он так проспал — недолго и

простудиться.

Чэнь Ци почувствовал, как у него начинает болеть голова. Он отродясь не умел толком заботиться о людях. В такие годы чувствовать себя отцом семейства, изо дня в день ворчащим за спиной этого парня, — от этого ощущения он чувствовал себя стариком.

Очистив горло, он подтолкнул лежащего на земле Линь Цяня:

— Если сейчас же не встанешь, вычту дневной заработок.

— ...

Линь Цянь перевернулся на другой бок и зажал уши.

— Ну тогда я сам всё съем, а ведь я специально приготовил тушеную свинину в соевом соусе, да побеги бамбука в остром соусе, эх-х-х...

Чэнь Ци с глубоким сожалением поднялся на ноги, но стоило ему сделать пару шагов, как край его штанин кто-то потянул.

Линь Цянь подтянул его к себе и поднялся с земли, одновременно почесывая затылок и виновато поясняя:

— Сам не помню, как меня ночью занесло на улицу, должно быть, лунатизм. Дядя Чэнь, вы сказали, что приготовили что-то вкусное? — на ходу переводя тему на обед, он попытался замять ночной побег на улицу.

На столе и впрямь красовались блестящие от жира кусочки тушеной свинины, темно-коричневые побеги бамбука с прослойками жира и ярко-зеленые стебли свежего батата. Однако, уплетая еду за обе щеки, Линь Цянь вдруг почувствовал себя немного рассеянным. Сжав левую руку, лежащую на столе, он ощутил, что его тело переполняют бодрость и невиданная сила. Совсем не то же самое, что вчерашнее состояние полного упадка сил. Непонятно, что именно произошло, но даже ментальная энергия стала невероятно обильной, и управлять ею теперь было куда проще.

Линь Цянь бессознательно задействовал силу мысли, и вокруг него тут же собралась огромная масса «ци», образовавшая мощный порыв ветра, который заставил взметнуться вверх просторную серую футболку Чэнь Ци.

— Что-то сегодня ветер сильный...

Линь Цянь не успел договорить. Редко когда бывая столь молчаливым, он лихорадочно соображал о чем-то своем, в мгновение ока умял всю еду и схватился за телефон, чтобы позвонить вниз.

С первого раза никто не ответил, вызов сорвался. Он набрал снова, и на сей раз трубку наконец взяли, но голос говорившего на том конце провода звучал с нескрываемой тревогой. Линь Цянь даже рта раскрыть не успел, как собеседник опередил его:

— Сяо Цянь, у девушки Сяо Линя поднялась высокая температура, так что я сразу не смогла ответить — Слышу, бегу уже, сейчас буду! — громко крикнув кому-то в стороне, тётя Чжан поспешно бросила Линь Цяню: — Мы как раз собираемся в больницу, некогда мне с тобой болтать, я вешаю трубку.

Сердце Линь Цяня пропустило удар, в памяти всплыло бледное, безжизненное лицо Ляо Вэньвэнь, и он вскричал:

— Тётя Чжан, подождите! Тётя Чжан! — но на том конце уже сбросили вызов, оставив лишь частые короткие гудки.

— Черт. — Забыв о том, что рядом находится Чэнь Ци, Линь Цянь не удержался от крепкого ругательства, бросил фразу о том, что у него срочное дело, и со всех ног бросился вниз с горы.

Его поведение выглядело донельзя странным. Чэнь Ци резко вскочил, намереваясь что-то сказать, но Линь Цянь бежал так быстро, что в мгновение ока скрылся из виду.

— И что всё это значит...

Линь Цянь, не имея никакого транспорта, мог рассчитывать только на собственные ноги, сломя голову мчась с горы. Он уже бывал в больнице однажды и в общих чертах помнил дорогу. Охваченный тревогой во время бега, он бессознательно задействовал силу мысли. Направив ци в ноги, он бежал с невероятной скоростью, совершенно не чувствуя усталости.

Дорога, на преодоление которой на машине обычно уходило больше получаса, усилиями Линь Цяня сократилась всего до двадцати минут. Оказавшись у больницы, он снова набрал номер. Возможно, дела с Ляо Вэньвэнь на том конце уже уладили, но на этот раз вызов тётя Чжан наконец прошёл.— Я сейчас в больнице, тетя Чжан, вы где? — спросил Линь Цянь.

Тетя Чжан потрясенно воскликнула:

— Разве ты не на горе? Как это ты вдруг спустился?

— Я испугался, что людей не хватит, вот и пришел посмотреть.

Сердце тети Чжан преисполнилось глубокой трогательности, и она назвала ему номер палаты. Линь Цянь в два счета добрался до нужного места. Кто бы мог подумать, что вся компания Лю Фан толпится у двери, изо всех сил вытягивая шеи и заглядывая внутрь, но при этом ни одна душа не решается переступить порог.

Линь Цянь оттолкнул стоявшую на самом краю Линь Сюэюнь, увидел невысокую тетю Чжан, зажатую в самом центре толпы, и вытащил ее наружу.

— Разве я не говорил тебе не контактировать с Ляо Вэньвэнь! — раздраженно бросил Линь Цянь, едва сдерживая голос. Проходившие мимо медсестры бросили на него сердитые взгляды. Он глубоко вздохнул, чтобы подавить гнев. — Зачем ты все-таки пришла? Где Ляо Вэньвэнь, как она сейчас?

Тетя Чжан была простой деревенской женщиной со свойственной ей традиционной закваской. А традиционные женщины, как правило, отличаются робостью и покладистостью. Из-за этого в любых делах они неизменно проявляют долготерпение и во всем уступают. Чжан Юэфан была именно таким человеком. Дома она была средней сестрой, занимающей неопределенное положение, а позже, после ряда событий, братья вытеснили и притеснили её, в конце концов выдав замуж в город. Там ей пришлось заниматься тяжелым трудом на самых низах. Она действительно была очень преданной дочерью, мягкой матерью и добродетельной женой, но именно это еще сильнее обнажало заложенную в её костях слабость. Открик Ли Цяня мгновенно развеял всю её старшую авторитетность. Она никогда прежде не видела Ли Цяня таким. В её глазах Сяо Цянь всегда был послушным и чутким ребёнком, так что она лишь растерянно похлопала губами, прежде чем к ней вернулся голос:

— Все пришли, поэтому я тоже... пошла со всеми.

На самом деле она совершенно не приняла слова Ли Цяня всерьёз. По её мнению, Ли Цянь говорил всё это лишь для того, чтобы она не ввязывалась в войну между свекровью и невесткой из семьи Лю и не оказалась в неловком положении. Но она даже не подозревала, что Ли Цянь переживает совсем не из-за этого.

Ляо Вэньвэнь была ходячей пороховой бочкой. Слишком тесное общение с ней чревато взрывом, и предсказать момент взрыва Ли Цянь был не в силах.

— Где Ляо Вэньвэнь?

Услышав это имя, тетя Чжан вдруг испуганно побледнела:

— Эта девчонка... она по дороге сюда словно с цепи сорвалась. Вдруг обезумела и начала бросаться на людей и кусать их. Ли Цзы пытался её удержать, и она его исцарапала.

Зрачки Ли Цяня сузились:

— Только что? Как давно? Только Ли Цзы пострадал? Она тебя не задевала? Он забросал её целым шквалом вопросов, от которых у тётушки Чжан слегка закружилась голова, но, понимая, что он просто переживает за неё, она невольно улыбнулась:

— Да нет же. Чтобы не терять времени на лечение, вся их семья поехала на машине. А мы с Сюэюнь добирались на автобусе, так что я всё узнала от них, когда только что сюда пришла.

Тётушка Чжан указала на стоявшего у дверей Линь Цзы, который с тревожным выражением лица то и дело привставал на цыпочки, пытаясь заглянуть внутрь. Она жестом показала на предплечье и понизила голос:

— Ему только что знатно искусили руку, да так сильно, что на неё страшно смотреть.

— Главное, что с вами всё в порядке, — Линь Цян нахмурился, глядя на Линь Цзы. Раз заразились уже двое, дело принимало скверный оборот. — Кроме Линь Цзы, кто-нибудь ещё пострадал?

— Кажется, ещё старшая невестка. Они тогда все сидели на заднем сиденье, говорят, её тоже зацепило, — в этот момент из дверей вышли врач и медсестра, и толпившиеся у входа люди тут же расступились, освобождая проход. — Просто врач не разрешил нам заходить внутрь.

Линь Цзы в отчаянии выпалил:

— Доктор, Вэньвэнь... Что с моей девушкой?

Врач:

— Как же так? Вас покусала собака, а вы даже вовремя не сделали прививку, позволив болезни развиваться? Поторопитесь-ка лучше сделать уколы себе.

Врач был явно разгневан. Он приподнял руку Ляо Вэньвэнь, которую та поцарапала во время борьбы, и тяжело произвел:

— С этим нельзя тянуть! К счастью, мы вовремя её скрутили и вкололи успокоительное, иначе последствия были бы непредсказуемыми. Не забывайте, сколько людей постоянно ходит по больнице.

Линь Цзы схватил врача за рукав и громко закричал:

— Но Вэньвэнь вообще не кусала собака! С чего вдруг у неё началось бешенство?

Врач резко стряхнул его руку:

— Откуда мне знать? Бегите ставьте вакцину, я не хочу через пару дней принимать тут новых больных с приступами.

Хмыкнув, врач вместе с медсестрой быстрым шагом удалился.

Услышав слова врача, Лю Фан скривила лицо и бросилась прямо наперерез доктору:

— Доктор, а как же мой внук? С ним всё в порядке? С ним ведь ничего не случится?

Врач и так был на взводе, а после допроса Лю Фан больше не мог сохранять невозмутимость и гневно выпалил:

— Где ваш внук? Что-то я его не вижу! Если ваш внук болен, пожалуйста, обратитесь в педиатрию, спасибо!

Лю Фан замахала головой, точно заправским бубном:

— Моя невестка! Да, та самая, что лежит внутри... А как же ребёнок у неё в животе? Повлияет ли бешенство на ребёнка? Врач, словно не понимая её слов, смерил её взглядом с ног до головы секунд на двести, а потом резко взмахнул рукавом и зашагал прочь широким шагом. Лю Фан попыталась преградить ему путь, но её остановила стоявшая рядом медсестра. Даже всегда отличавшаяся мягким нравом молодая медсестра уже не могла сохранять вежливую улыбку

после выхолок этой семейки и лишь сухо бросила:

— Простите, женщина, эта девушка вовсе не беременна! Перестаньте докучать доктору Лину, у него есть и другие пациенты!

С этими словами она резко дёрнула за руку Лю Фан, которая вцепилась в её белый халат. Потеряв равновесие, Лю Фан отшатнулась назад и чуть не рухнула на пол.

Пару секунд она ошеломлённо хлопала глазами, до конца не понимая смысла сказанного, а затем плюхнулась прямо на пол и заголосила во всё горло:

— Ой, проклятые! Эта дохлая баба вовсе не носит семя нашего рода Чжан, да ещё пришла нас обманывать! Вы все, городские, только и знаете, что измываться над нами, простодушными деревенщинами, раздумали такую аферу, лишь бы обвести вокруг пальца нашего простого Линьцзы! Я растила его, не досыпая и не доедая, и словом плохим попрекнуть не смела, а эта змея крутит им как хочет — кто знает, не подцепит ли он теперь бешенство... Ой-ёй-ёй, во всём виновата я...

Медсестры, отдохавшие в зоне ожидания, остолбенели. Прождав почти минуту, пока Лю Фан надрывалась в плаче, одна из них — самая решительная и бойкая — подскочила к ней, вытащила из кармана медицинскую маску и нахлобучила прямо на лицо орущей женщине. Холодно зыркнув на неё, она рявкнула:

— В больнице шуметь запрещено! Ещё раз устроите балаган — оштрафую на сто юаней!

Пылая праведным гневом медсестры, Лю Фан мгновенно утерла слёзы и захлопнула рот.

Линь Цянь стоял в стороне, от начала и до конца наблюдая за этим фарсом. Он не произнёс ни слова, просто смотрел, а когда всё закончилось и тётушка Чжан обернулась к нему, лишь холодно хмыкнул.словно говоря: видишь, за какую семейку ты так усердно заступалась и к которой сама же и тянулась.

Тётушка Чжан неловко улыбнулась и промолчала.

К этому моменту Лю Фан уже взяла себя в руки — если бы не покрасневшие глаза, никто бы и не догадался, что эта женщина только что сидела на полу, раскинув руки, словно базарная хабалка.

Заметив толпу у входа, она тут же гаркнула на Линьцзы:

— Только что эту окаянную девку загребли вместе со мной, живо за мной, пойдём делать уколы!

Линьцзы попытался что-то сказать, но она отвесила ему звонкую оплеуху прямо по плечу:

— Раз не велела говорить — рот не открывай!

Затем она ткнула пальцем в Линь Сюэюнь:

— Иди в столовую за едой. Если бы не эта стерва, нам бы и не пришлось тащиться в больницу с пустыми желудками.

Лю Фан привыкла командовать всеми подряд. Что же до Линь Сюэюнь, то с самого замужества её семья жила под гнётом мачехи, и сейчас, столкнувшись с её свирепым взглядом, остатки

гордости рухнули под давлением привычного страха. Нехотя выдохнув согласие, она развернулась и поплелась прочь.

Лю Фан схватила Линьцзы за руку, собираясь вести его на уколы, но тут увидела стоявших посреди коридора и глазевших на всё со стороны Линь Цянь и тётушку Чжан. В её груди снова вскипела злость. После ссоры с тётушкой Чжан из-за квартирного вопроса она больше не смотрела на неё прежними глазами, а сейчас и вовсе бросила едкую фразу на ходу:

— Пригляди за этой бабой.

Тётушка Чжан уже открыла рот, но Линь Цянь тут же заслонил её спиной:

— У нас свои дела, некогда. Сами за ней приглядывайте.

С этими словами они оба зашагали к лестнице, двигаясь куда быстрее парочки маменьки с сыном.

Лю Фан никак не ожидала, что этот вежливый парень выдаст такое, и замерла в растерянности. Пока она соображала, Линь Цянь с тётушкой Чжан уже скрылись за поворотом лестницы, и их след простыл.

— Довели до белого каления! Просто слов нет! Надо же было такому случиться, чтобы именно сегодня день не задался! И впрямь, на кой чёрт ты притащил эту девку сомнительной репутации, неужто в могилу меня свезти хочешь?! — Лю Фан принялась ожесточённо крутить Линьцзы руку, подпрыгивая от злости.

Линьцзы скривился от боли, но стерпел, лишь спустя долгое время выжав из себя:

— Вэньвэнь не какая-то там девка...

Лю Фан зыркнула на сына и, ухватив за ухо, поволокла вниз по лестнице.

Линь Цянь шёл быстрым шагом, и лишь когда они вышли за больничные ворота и давящая атмосфера немного рассеялась, тётушка Чжан осмелилась заговорить:

— Сяо Цянь, что-то случилось?

Линь Цянь, не оборачиваясь, бросил:

— Ничего.

— Но выглядит так, будто что-то не так. Мы вот так просто ушли... Разве это хорошо?

Они шли очень быстро и уже добрались до обочины дороги, расположенной чуть в стороне от больницы. Рядом с ними тянулась полоса зелёных насаждений: густые заросли каких-то деревьев поднялись на дивную высоту, а на ветвях даже распустились яркие мелкие цветы. В таких местах газоны обычно полагалось регулярно подстригать, однако этот участок выглядел так, будто о нём давным-давно забыли, отчего от него веяло глухой заброшенностью.

Остановившись у этого пустынного зелёного угла, Линь Цянь наконец выпустил руку тётушки Чжан из своей хватки.